

Глава тридцать вторая. За что боролись?

Возвращаюсь к извечному: чтобы осуществились наши мечты в будущем, надо помнить о своем прошлом. И думать о настоящем. Почему же мы до сих пор так скудно живем? Мы – то есть те граждане страны, которые ходят по улицам без охраны. Кому нужны были эти подвиги и страдания, через которые прошли вместе со страной мои многочисленные родственники, о которых я попытался рассказать на этих страницах?

Если глянуть сегодня за окно и попытаться обозреть наше государственное образование вширь и вдаль, от Кремля до самых до окраин, создается впечатление, что ничего мы за это столетие не потеряли, но ничего и не нашли. Пролетарии всех стран так и не соединились, а буржуи как сидели на их шеях, так и сидят. При этом еще и выросли на пролетарских харчах буржуи нового типа: чиновник и депутат. За которых мы, зашоренные пропагандой свыше, сами же и опускаем выданные нам бюллетени в урны. Жаль, не уличные. Уличные у нас дефицит. И живет этим депутатусам до того сладко, что уже и разглядеть не могут, что творится там, внизу, под монументальными стенами их дум. И грезится им, что вместе со своими дворцами в стиле а ля рублевка они что-то осязаемое построили и для народа тоже. Ведь заявляют же, на полном серьезе: мы построили для народа социальное государство! Смеетесь?

Я тоже хохотал на днях, ступив случаем в передачу на первом канале ТВ, которая называется «Толстой. Воскресенье» (за сим, видимо, последуют: «Братья Стругацкие. Понедельник», «Дефо. Пятница», и далее по списку). И там как раз беседа Председателя Государственной Думы В. Володина и его заместителя П. Толстого, посвященная круглой дате – 25-летию этой самой ГД. Так вот: коммунистический лозунг «Все для блага человека» теперь называется: «Вложение в человека». Сам Толстой сказал. А диалог у них был примерно такой. Володин: «Наше государство является социальным». Толстой: «Мы живем в социальном государстве. И граждане об этом знают, помнят»... Так и хотелось ответить им от имени граждан: «С какого бодуна, ребята?». Я еще вопрос не успел задать, а Толстой, продолжая дифирамбы по поводу достижений ГД, уже ответил: потому что «Есть партия парламентского большинства, всё уравновешено». «Смех в зале». Ну что тут скажешь? «Единой России» и в самом деле законы физики не писаны. Законы физики пасуют перед законами цинизма.

Так и живем: у граждан одни весы, а у тех, что вокруг кормушки, свои: подкрученные, как у рыночных торговцев. И самое печальное, что «народная тропа» к этим весам не зарастает, не иссыкает к кормушке очередь из любителей сладко покушать. Мелькают фамилии, мелькают должности, мы еще как-то запоминаем имена непотопляемых, а тех, кто прихлебывает в тени, упомянуть просто невозможно. К некоторым из московских еще как-то привыкаем. А вот, например, у нас, в Петербурге, чехарда полная, люди в городском правительстве меняются быстрее, чем губернаторские перчатки. Спросите на улице, кого вы знаете из тамошних, из Смольного института, кроме тех, кого по 7–8 раз показывают в каждом выпуске местных новостей. Ни одной фамилии никто вам не назовет.

Так «За что боролись?». Не я, заметьте, первый спросил. То же самое вопрошал еще в 1927 году Владимир Владимирович Маяковский в одноименном стихотворении – из тех, что не «проходят» в школе. Написанном в интересное время. С одной стороны – разгар нэпа, разгул толстосумов, и кажется поэту, что совсем угас революционный энтузиазм, «революция не удалась» и уже почти пала под натиском рынка...

Слух идет
бессмысленен и гадок,
трется в уши
и сердце ёжит.
Говорят,
что воли упадок
у нашей
у молодежи.
Говорят,
что иной братишка,
заработавший орден,
ныне
про вкусноты забывший ротишко
под витриной
кривит в унынье.
Что голодным вам
на зависть
окна лавок в бутылочном тыне,
и едят нэпачи и завы
в декабре
арбузы и дыни.
Слух идет
о грозном сраме,
что лишь радость
развоскресёнена,
комсомольцы
лейб-гусарами
пьют

да нуют под стих Есенина.
И доносится до нас
сквозь губы искривленную прорезь:
«Революция не удалась...
За что боролись?..»

.....
Над пивом
нашим юношам ли
склонять
свои мысли ракитовые?
Нам
пить
в грядущем
все соки земли,
как чашу
мир запрокидывая.

...А с другой стороны – не пивом же единым (накликал нам поэт пивной бум, как в воду смотрел), и еще не все соки земли мы выпили. И «воли упадок у нашей молодежи» – дело временное, все в наших руках. Поэтому параллельно пишется поэма «Хорошо!» – навстречу 10-летию Октябрьской революции. Светлых времен поэт так и не дождался. Можно до хрипоты обсуждать причины, из-за которых он отказался от борьбы и свел счеты с жизнью три года спустя. Но кажется мне – ключ в этом вот самом малознакомом широкому читателю стихотворении. Он так и не получил ответа на свой вопрос. Так и не понял, за что боролся.

memoria_____

Госдума раскрыла размер пенсий депутатов

Пенсия депутата Госдумы со стажем работы больше десяти лет составляет около 63,5 тыс. руб. в месяц. Об этом сообщается на сайте нижней палаты парламента (05.07.2018).

Депутаты, проработавшие в Госдуме больше пяти лет, имеют право на доплату к пенсии. При стаже от пяти до десяти лет суммарное пенсионное обеспечение (с учетом страховой пенсии по старости) составляет 46,6 тыс. руб. Если гражданин был депутатом менее пяти лет, то доплату к пенсии он не получает.

По данным правительства, с учетом индексации среднегодовой размер пенсии россиян в 2018 году составляет 14,1 тыс. руб. в месяц.

«Коммерсантъ»

_____memoria

Ответа нет и сегодня. Разве что накатит, и напишет какой-нибудь депутат какой-нибудь Думы поэму «Отлично!». Тем более, что подстрочников хватает: с ними, например, чуть ли не ежедневно выступает министр финансов,

да и другие не отстают. В Думе и в министерстве финансов все отлично! Как у Буратино и его приемного отца, современника, кстати, Владимира Владимировича, – писателя Алексея Николаевича Толстого по прозвищу «советский граф». Его Буратино, хоть и лох, по сегодняшней терминологии, но упорно идет к своей цели и приходит к намеченному светлому будущему. В наших министерствах, конечно же, сидят далеко не лохи, здесь народ продвинутый, специалисты исключительно высокой квалификации (см. ниже – откровения министра финансов Силуанова). Но что удивительно: результат тот же. С тем же золотым ключиком и дверцей с нарисованным на ней очагом: открыл дверцу, юркнул в счастливую жизнь, и скоренько закрыл ее на все три поворотика. И живут себе министры наши в своем светлом будущем, за дверцей с очагом, там, где зарплаты (министров) заоблачны, и пенсии (тех же министров и депутатов) – зашибись! Нам, заглядывающим в замочную скважину рядовым мещанам, в свое время не догадавшимся пойти на службу в госструктуры, – на зависть. Большевики строили-строили свой коммунизм, и ничего не построили. А эти ребята, либералы-демократы-экономисты-антикоммунисты, Гайдары-Чубайсы-Кудрины-Медведевы-Силуановы-Топилины-Голодцы... во главе сами знаете с кем, под шумок быстро разобрали, что к чему, юрк за дверцу, и за каких-то двадцать лет создали для своего общества социальную справедливость.

«Жаль только – жить в эту пору прекрасную уж не придется – ни мне, ни тебе» – продолжаем мы бормотать вместе с великим поэтом Н.А. Некрасовым. Еще с 1864 года, со времен царя-освободителя Александра II.

Хорошо им там, за дверцей. Но ведь и нам – большое художество: если б не знали, что очаг нарисованный, точно бы поверили, что настоящий. Как в Стране дураков, жители которой думают, что все, что изображено-нарисовано – на картинке, в глянцево-журнале, на экране телевизора – все это настоящее.

Вот сидим мы как-то вечером перед окном в Страну дураков, щелкаем кнопками и плачем от умиления и счастья. Оп! «Дом-2» на ТВ дураков. Дурак на дураке. Круто!.. Оп! «Comedy» на ТВ дураков. Обхохочешься!.. Оп! «Прямой эфир» на ТВ дураков (запись позапрошлого года). Свежо!.. Оп! «Пусть говорят» на ТВ дураков. Всё гламурное говно на наши головы!.. Оп! «Только жирные хиты» на ТВ дураков. Ващще!.. Оп! А вот и «Поле чудес» на ТВ дураков. Во дурят народ! Но как красиво!.. Оп! А что это за черно-белая муть?.. Да это же фильм нашего детства – «Золотой ключик» 1939 года, почти прямой эфир. Сидим и смотрим, не оторваться. Без оп. До победного конца.

Далеко-далеко, за морем,
Стоит золотая стена.
В стене той заветная дверца,
За дверцей большая страна.
Ключом золотым отпирают

*Заветную дверцу в стене,
Но где отыскать этот ключик,
Никто не рассказывал мне.
В стране той – пойдешь ли на север,
На запад, восток или юг –
Везде человек человеку
Надежный товарищ и друг.
Прекрасны там горы и доли,
И реки, как степь, широки.
Все дети там учатся в школах,
И славно живут старики.*

Песня, ставшая былью. Особенно, если заключить последнюю строку в кавычки. Про нас и про наше теперешнее время. И когда мы были маленькими, это тоже было про нас. Хотя мы и понимали, что это сказка. А теперь понимаем, что это был. Несмотря на то, что в телепрограммке кто-то написал, – фэнтези. Было бы смешно, если бы не было так грустно: в конце 30-х годов, 80 лет назад, Алексей Толстой, словно ясновидец, умудрился открыть «Золотым ключиком» нашу сегодняшнюю любимую Россию, страну чудес и добрых, доверчивых дураков, страну холопов и жирующих толстосумов, страну, плодящую по материнской программе больных и беспризорных детей и убивающую нищенскими пенсиями стариков...

Тут мы все: рабочая прослойка – старый шарманщик Папа Карло, в доме которого – шаром покати (до самого очага!), тут и его друг, нищий столяр Джузеппе Сизый Нос. Тут и погрязшая в болоте пенсионерка Черепаха Тортила, не знающая, что делать с доставшимся ей золотым ключиком, спасибо, Буратино подвернулся, избавил от хлопот. И говорящий Сверчок – бойкий представитель средств массовой информации. И звезда эстрады Мальвина с фарфоровой головой и голубыми (красными, синими, зелеными, оранжевыми...) волосами, с преданным псом-охранником Артемоном и карманным поэтом Пьеро. Трусливый и лукавый пиарщик Дуремар. Мошенники и кидалы Лиса Алиса и Кот Базилио. Хозяин харчевни «Трех пискарей» вполне мог бы сегодня возглавить министерство торговли. И, наконец, Карабас Барабас! Доктор экономических и футурологических наук, владелец «заводов, газет, пароходов», кавалер высших орденов и друг самого Тарабарского короля. С королем, правда, у Толстого что-то не срослось, запутался старик, замотался по границам, забыл, что у нас тут Россия, а не какая-нибудь Великобритания... Но в целом – попал, попал, провидец и предсказатель. И куда товарищ Сталин смотрел?..

Товарищ Сталин, скажем прямо, недосмотрел. И мы теперь имеем далеко не то, за что боролись. Вот глас народа, как принято говорить, из глубинки, из города Брянска, с сайта nashbryansk.ru, 17 июля 2018 года:

Видеоткровения министра финансов Российской Федерации Антона Силуанова о том, сколько получает российский чиновник за свою работу.

В конце прошлого года Минфин наконец раскрыл то, что ранее тщательно скрывалось – данные о зарплатах министров. Теперь россияне знают, что в 2016 году министр финансов Антон Силуанов зарабатывал **1,73 млн** рублей в месяц – это самая большая зарплата среди всех министров правительства. На втором месте по уровню зарплаты министр экономического развития – **1,27 млн** рублей в месяц.

В эфире программы *Hard Day's Night* (ночь тяжелого дня – прим. ред.) ведущие поинтересовались у министра финансов обоснованностью столь высокой заработной платы.

Ожидается, ответ чиновника был дипломатичным и сложным. В качестве одного из аргументов в обоснование высокой зарплаты Силуанов привел высокую квалификацию у себя и у коллег. Также, Силуанов посетовал на то, что специалистам Минфина приходится работать много, **«Побольше чем в других ведомствах»**, поэтому **«Долго на одном энтузиазме не проедешь»**, – сказал Силуанов.

– Работать нам приходится побольше чем в других ведомствах. Это я вас уверяю. У нас общий подход к вопросу оплаты труда. В рамках общей системы оплаты труда... Но система мотивации – она другая.

К сведению, на момент интервьюирования экономическая картина в целом по стране следующая:

Прожиточный минимум в России – 11 163 рубля.

Средняя зарплата в России – 38 500 рублей.

Зарплата министра финансов России – 1 730 000 рублей.

Среднемесячная зарплата в **Брянской области** – **29 552,5** рубля.

Отзывы зрительской аудитории под видео резкие или крайне резкие. Нет ни одного лояльного комментария. Гнев и отрицание – основные мотивы, которые сформулированы не всегда в рамках цензуры.

Некоторые из комментариев:

Николай 18.07.2018 в 00:21

Это враг моей семьи, а что делают с врагом?

Ольга 18.07.2018 в 10:01

Говорит, а глазки бегают, плечиками подергивает, была бы рядом – плюнула бы в рожу!

Алиса 18.07.2018 в 11:24

Путин держит паузу в своем стиле. Типа с Димоном прокатило, попытели, да снова терпим. То же и с пенсионным возрастом, ждет пока людям надоест и в очередной раз замолчат. Но случай вопиющий, промолчим, просто выйдем.

Варфоломей 18.07.2018 в 13:04

Всех чиновников на пенсию в 90 лет, а с 60 до 90 лет в шахту на стажировку!

Они проводят чистейший геноцид Россиян!

Марина 18.07.2018 в 17:16

Бедный аж весь задергался от такого вопроса перекасаебился.

Сергей 18.07.2018 в 22:32

Он не один, всё Медведевское правительство грабители.

Ирина 19.07.2018 в 12:00

Налицо переоценка собственных способностей. Какой бы не была квалификация и образование, в данном случае это никак не отражается на конечном результате работы – развитии экономики и повышению уровня жизни в стране. Зарплаты чиновников должны быть соразмерны с зарплатами граждан, учитывая сложившуюся экономическую ситуацию. Существующие зарплаты и пенсии чиновников ничем не могут быть аргументированы, потому, что это беспредел и мракобесие, циничная насмешка над собственным народом.

Анна 19.07.2018 в 18:36

В правительстве – одни миллионеры! Когда такое было возможно? Да ещё несут такую ахинею народу... Ни стыда, ни совести! Они просто издеваются над нами! Им пенсии не нужны. Они себя уже обеспечили на всю оставшуюся жизнь!

Изменить что-то в России выборами невозможно. Только диктатура, подобная сталинской, сможет вернуть Россию на путь процветания. Эти чиновники так вросли в свои кресла, что выкинуть их можно только вооружённым путём. Время идёт, терпение уже заканчивается.

Когда русский человек, самый терпеливый человек в мире, говорит, что терпение заканчивается, поневоле задумаешься. В первую очередь о том, что история по-прежнему ничему нас не учит. Не столько, правда, нас с вами, а тех, «эй вы там, наверху», которым ведь еще в школе пытались вдолбить в головы пушкинское: «Не приведи бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный». Пушкин в «Капитанской дочке» (1836) писал о Пугачеве, держа в уме Болотникова, Разина и менее известных иже с ними. Но ведь предостерегал: может еще хуже быть, гораздо хуже. Потом декабристы, народовольцы нервы нашим власть предержащим пощекотали, но не впрок. Три русские революции плюс Гражданская война – тоже забыты, оставлены «на разграбление» историкам?

В 2017 году исполнилось 100 лет со дня Великой Октябрьской социалистической революции, которую теперь остроумно называют Октябрьским переворотом. Вот повод был бы вспомнить и отметить! Не парадами и шествиями с портретами вождей, а всенародной молитвой, и Словом пастырей – пусть не с покаянием, пусть не с очередными обещаниями светлого будущего, которым грош цена, а Словом, в котором сказали бы Правду: и о том, что память за 100 лет не остыла, и о том, ЧТО сделать, чтобы не стало в нашем государстве 50-летних бомжей и нищих старушек .

Я все думал: ну как же они там наверху выкрутятся? Ведь юбилеи справлять – это нас хлебом не корми. А тут – Великая, как ни крути (всю страну так встряхнула, что Пугачеву и в веселом сне бы не приснилось; да что там страну: весь мир), пусть и Октябрьская – можно и так, стыдливо пропустив Великую, но уж такая, что не забыть. Нельзя забыть. И что? Выкрутились, промолчали фактически, спустили на тормозах, завуалировали под военный парад на Красной площади в память о параде 1941 года. Но в 1941 году, господа, парад был все в ту же годовщину Великой Октябрьской, 7 ноября!

Были, конечно, и в 2017-м какие-то дежурные речи по текущему моменту, но праздника не было. И Слово не сказано. Бастилию мы свою так и не взяли. А могли бы поучиться у французов: те и тюрьму разрушили, и крови пустили немеряно, проклясть бы им эту Бастилию вместе со всеми своими прочими революциями, а они празднуют. И гордятся своей Первой республикой, провозглашенной еще в 1792 году. И это не только народная память, это в первую очередь память государственная. А наши государи 7 ноября стыдливо перенесли на 4-е, переименовав годовщину Революции в День народного единства. Сказано громко, но в российской истории, что – не было более грозного и опасного врага, чем Речь Посполитая в 1612 году? Были, помним. Но уж так ловко получилось, совсем рядом: народ же привык отмечать 7 ноября, ну, и тут подсуется, по старой памяти. А народ оказался не сильно суетливым. 7 ноября – это был праздник! Еще и получше, чем у французов 14 июля. А 4 ноября празднуют, по обязанности, только те, кто этот праздник придумал. А все остальные... ну, выходной, и слава богу. И никогда этот праздник в стране нашей не приживется. Да и вообще – что-то не до праздников нам стало. Из всего, что было, только День Победы, со слезами на глазах, да Новый год и остались...

Пишу всё это и думаю, сомневаюсь: и чего я на сегодняшний день взъелся? И надо ли? Написал, что смог, про XX век, и остановись, о XXI-м другие напишут, когда время придет, если не остановится, конечно. Послушаешь-посмотришь из всех информационных щелей новости – страшно делается. Откуда все эти страсти, эти злоба и ненависть, заплонившие мир. Миру – мир! Мы это слышали с детства. Теперь – что? Миру – война? Откуда? Да оттуда, из XX века, с горбачевских 80-х годов, ознаменовавших начало новой революции – криминальной, которой и сегодня конца не видно. Время – понятие растяжимое, бывают, оказывается, и такие, ползучие революции. И время течет себе, не обращая на нас внимания, не подозревая, что наши криминальные игрища сегодня, завтра могут его остановить: при том, что ценой этой остановки станет исчезновение на Земле человека, как такового. Потому что времени нет, есть наше представление о нем. И о том, хорошее оно или плохое.

Сегодня в Александровском парке, рядом с Мюзик-холлом, бывшим Народным домом императора Николая II, наблюдал такую картину: девушка пускала мыльные пузыри, маленькие, большие и огромные, переливавшиеся всеми

цветами радуги. Раздуваясь, они тяжело отрывались от кольца с мыльной пеной и осторожно поднимались, чтобы проделать в воздухе свой недолгий, завораживающий путь. Но ни один из пузырей далеко не улетел, потому что вокруг этой девушки прыгали детишки, соревнуясь, кто быстрее проткнет пальчиком и взорвет едва родившийся блестящий и искрящийся шар. Вот они, истоки этой всемирной агрессивности, и начинаются они с таких именно пузырей. А рядом стояли родители, и не один не придержал за руку своего отпрыска и не сказал нескольких простых слов: «Остановись, сынок, посмотри, какие они красивые»...

Одна дама в Интернете предлагает поспорить, кто прав: Конфуций, с легкой руки которого родилось страшное китайское ругательство «Чтоб ты жил в эпоху перемен!», или Тютчев, сказавший: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!». И то, и другое, заметьте, – с восклицательным знаком. Вот и мы с вами, дорогие современники, вляпались, извините за выражение. О чем и пишу в этой книге, надеясь, что минуты роковые, о которых тут написано немало, когда-нибудь останутся в прошлом. Что же до перемен, то тут мы на коне, все, как один, – кавалеристы. Хотя, конечно, перемены переменам рознь. Нам, скажем прямо, времена достались не лучшие, повторяться не буду. Вот ведь и смартфоны есть, и палки для селфи, а счастья нет, и с «культурностью» беда. Если бы еще покой и воля, как у Пушкина, так об этом – только мечтать!

Спираль, по которой время катится, крутанулась и – здравствуйте снова, Владимир Владимирович: строили-строили, перестраивали, и опять к нэпу. Вернулся, батюшка, вместе со страхами Маяковского, да еще и в каком извращенном виде. Ленин в своем домике на Красной площади переворачивается и подпрыгивает. Вместо буржуев и кулаков у нас теперь министры и законодатели, ну, и прочие, им подобные, на местах, по нисходящей. Сочиняют законы себе на потребу и сами же их исполняют, за что получают награбленное у племса в виде депутатской или министерской зарплаты, пьют шампанское на «великосветских» банкетах, едят ананасы, некоторые даже рябчиков, по старинке, и «в декабре арбузы и дыни». А те, кого они уже окончательно победили, бомжуют, коллективно и поодиночке передвигаясь со старыми детскими колясками от одной помойки к другой, по выделенному им участку, плющат пивные банки и разрывают мусорные баки в поисках им одним видимых ценностей. Где-то во всей этой иерархии, на грани с бомжами, пенсионеры, сидящие накануне выплаты вспомоществования перед листочком в клеточку в глубокой задумчивости: как поделить 12000 рублей так, чтобы дожить до следующей выплаты? Квартплата, вода, газ, электричество, телефон – 4700, на лекарства – почти 3000, ЭХО кардиограмму срочно сделать (в поликлинике-то очередь на год вперед) – 3400 (пенсионерам скидка – 10 процентов), внучке подарок ко дню рождения – хотя бы 300... Итого – 11000. И на еду целая тысяча: молоко, геркулес, хлеб, колбаски кусочек, когда в магазине скидка будет... (О том, чтобы в театр сходить или на концерт, и речи нет, там билеты нынче дороже

среднемесячного пенсионного пособия; вот разве что в кино на утренник за 100 рублей, или в музей – по льготной цене.)

Только на скидки (а как еще переманить покупателя-головля из одной торговой сети в другую?) и надежда. Потому что скидки еще никто не запретил, и если подсуетиться: в одном магазине – на хлеб, в другом – на молоко, в третьем – на яйца сбросили... Оно ведь у нас как: цены на один и тот же товар в разных магазинах могут отличаться не на проценты, а в разы. Потому что в Совете министров, где уже все, мыслимые и немыслимые, министерства придуманы, нет министерства ценообразования. В рыночной (она же базарная) экономике такой орган никому не нужен, слишком хлопотное дело. Вот и пущено на самотек. Если же вы мне начнете рассказывать, что ценообразованием у нас занимаются вот такие-то и такие-то ведомства, и Счетная палата (есть у нас и такая незадача, большие экономисты работают) вместе с Антимонопольным комитетом их контролируют, то я вам отвечу, как Станиславский: «Не верю!». Потому что не может стакан чая или чашка кофе в захудалом кафе стоить 100 рублей! Ну никак не может, если себестоимость этого стакана – от силы 5 рублей. 100 рублей стоит пачка из 20 этих же самых чайных пакетиков, которые нам, добавляя к пакету кипятка, продают по цене пачки. Ну ладно, накинем еще 5 рублей на чашку: аренда помещения, зарплата сотрудникам, коммуналка и прочее. Получится десятка за чашку. А остальные 90 – за кипятка? Другой пример, лично для меня еще более близкий, чем чашка чая. Издательство, отдавая оптовику или магазину книгу, в которую оно вложило и средства, и душу, делает наценку к себестоимости процентов в 20–30, в ущерб себе и автору, потому что знает, что магазин, который в эту книгу не вложил ни копейки, накинёт на отпускную издательскую цену еще – от 70 до 100 процентов! В итоге больше всех зарабатывает продавец, а главный творец книги – автор, – в лучшем случае остается с мизерным гонораром.

Примеры, может быть, и частные, но за ними – система, выгодная всем, кроме покупателя. Чем выше барыш торгаша, тем больше отчислений в кубышку минфина, из которой обворованный покупатель не получит ничего. Вот и накручивает каждая торговая точка столько, сколько «совесть» позволяет. А поскольку совесть у нас, как известно, вещь безразмерная, в ход идут еще и разнообразные маленькие хитрости. Например, в ценнике на прилавке в супермаркете стоит одна цифра, а в кассе пробивается другая – в надежде на то, что чеки покупатель проверять не будет. Кто-то не будет, а пенсионеры проверяют. И затем – либо скандал у кассы, либо заведующая отделом прибегает с честным лицом и наивными глазами: «Ай-яй-яй, извините, забыли ценник поменять». Это в лучшем случае. А в худшем – возмущается! «Подумаешь, 40 рублей! Было бы из-за чего». Для пенсионера 40 рублей – деньги. А для магазина каждые привороженные с пачки майонеза 40 рублей – Клондайк, если посчитать, сколько этих пачек продано. И такой же бардак и воровство везде – куда ни кинь. Даже тюрьму «Новые кресты» не смогли постро-

ить по проектной стоимости, опять что-то стырили, как говорили у нас во дворе, и первые кандидаты на обживание свежеекрашенных камер (вчера-ние строители тюрьмы) уже готовы к новоселью. (Юрий Деточкин, 1966 год: «Ведь воруют, много воруют... я ведь вам помочь хотел, граждане судьи».)

Не понимаю, почему мы все, и антимонопольные органы, и борцы за права потребителей, и журналисты, да и просто покупатели, словно сговорившись, поставили гриф «табу» на слове «ценообразование». Почему стыдливо молчим и позволяем себя обманывать в каждом (!) торговом заведении? А вместо этого льем словесные потоки о проблемах какой-то отвлеченной и обобщенной *коррупции*. Не слишком ли замысловатое слово? Давайте перейдем с латинского на русский и займемся борьбой с конкретным, у всех на виду, воровством, начав, например, с того же ценообразования, как системы. А там и до олигархов доберемся, построивших свои заморские и рублевские (так и просится: от слова рубль) дворцы на наши (помните?) *ваучеры*. Словечко, скажу вам, товарищи, уже совсем мерзкое, если по-русски читать; видимо, специально такое и подобрали. И ведь как здорово придумали! Народ, и я в том числе, не зная, что с этими бумажками делать, продавал их «по себестоимости», а те, кто придумал, скупали, а потом купили на них всю страну, вместе с потрохами, со мной и с вами, с народом, то есть. И назвали их, в свою очередь, акциями, а сами стали акционерами, или, как теперь модно выражаться, олигархами, у которых – и власть, и деньги. До поры до времени. Потому что, как известно с бандитских 90-х, за базар придется отвечать. Не доживу, наверное, до тех времен, когда в стране появится здоровая и настоящая оппозиция, и на смену однопартийной системы во главе с КПСС, простите, с «Единой Россией», придет двухпартийная, с новой партией, достойной и честной (хотя бы по мере возможностей: абсолютно честных политиков свет еще не видал). Пока достойных преемников не видно. Отдельные выскочки, которые лишь мутят воду и занимаются саморекламой, Навальные, одним словом, – не в счет.

Отсутствие норм ценообразования в стране, извините, – в государстве, это реальное преступление законодательных и исполнительных органов перед народом, и прежде всего – перед беднейшей его частью. У органов другие проблемы, посерьезней: санкции (США и Евросоюза) в отношении России (во всем виноваты супостаты) и пенсионная реформа, придуманная правительством, Думой и «Единой Россией» то ли для того, чтобы отвлечь народ от более тяжелых мыслей, то ли – чтобы побыстрее избавиться от расплодившихся пенсионеров. Но в итоге-то, по недомыслию, для приближения собственных похорон.

Говорят теперь: санкции нас укрепили, пошли нам на пользу, заставили нас искать резервы и поднимать экономику. А раньше кто мешал? Можем работать только из-под палки? Как крепостные на помещика? Значит, надо что-то менять.

Предложения есть. И возмутители спокойствия со здравыми рассуждениями – тоже. Например, известный своими резкими высказываниями генерал Леонид Ивашов, историк, военный эксперт и общественный деятель, в одном

из последних интервью говорит без обиняков: «...господину Медведеву надо бы подавать в отставку с покаянием и уходить. Дать возможность раскрутить нашу промышленность на уже современных моделях тем, кто способен это делать. Медведев и его правительство не способны. Они полностью доказали свою беспомощность, они успешны только в набивании собственных карманов и в разорении народа. Правительство для наполнения бюджета не развивает экономически эффективные модели производства, а всё больше и больше перекладывает фискальные и любые программы на плечи простого человека. Возьмите любую сферу жизнеобеспечения – и коммуналка, и вода, и газ – всё дорожает. Вот чему научился Медведев со своим правительством – давить на население страны, переключать деньги из народных карманов в свои. У Медведева нет ни стратегической программы развития страны, ни даже технологии развития отдельных отраслей».

То же и с так называемой пенсионной реформой: чтобы сэкономить в «своих карманах», придумали, как «повысить» старикам пенсии, отобрав деньги у тех же самых стариков. То есть, принять меры по сокращению их (нас) численности. Опять же, большие экономисты работали. Из наших. Болтают много, а считать их не научили. Им говорят: где экономическое обоснование пенсионной реформы? В ответ – демагогия, футуризм и фантастика. А следом, естественно, анекдоты. Народ наш и в самых тяжелых ситуациях чувства юмора не теряет. Из нескольких десятков «пенсионных» анекдотов мне особо понравились два. Первый:

– Ты слышал? Минздрав считает, что увеличение пенсионного возраста повысит продолжительность жизни.

– Ну, тогда полная отмена пенсий, по этой же логике, должна привести к бессмертию!

И второй:

Британские ученые придумали и испытали на мышах уникальное средство от старости. Ни одна мышь до старости не дожила. Новой разработкой сразу же заинтересовались в Кремле и в Пенсионном фонде России.

Однако, как говорится, смех-то смехом, а... кверху мехом. (Материться хочется, но цензура не позволяет.)

А если говорить прямо – даже здоровые пенсионеры в современной России превращены в инвалидов. Не в тех, что по состоянию здоровья разделены на три группы, а в тех, которые в переводе с толерантного тарабарского – «лица с ограниченными возможностями», не физическими, правда, а финансовыми. Остался последний шаг: слово инвалид, как таковое, запретить совсем, вместе с неприличным словом негр. Инвалидов впредь называть *лицоргвозмами*, а негров – *афроамериканцами*. И подумать, что делать с остальными неграми, живущими в Африке. Ума не приложу, как в прошлые века вполне культурные люди не чурались употреблять слово инвалид в прямом его значении, без присвистываний. Пушкин, например («иль мне в лоб шлагбаум влепит непроворный инвалид»), или, ужас!, издатели газеты с позорным для нации

названием «Русский инвалид» (1862–1917). Доход от продажи которой, кстати, шел в пользу инвалидов войны, солдатских вдов и сирот.

Александр Сергеевич, не ладивший с цензорами до такой степени, что эту должность взял на себя сам Николай I, тоже любил анекдоты (не однажды ложившиеся в основу его сочинений), а сюжеты свои частенько добывал, не без помощи няни, из фольклора, за иносказаниями которого можно было ловко укрыться от литературных надсмотрщиков и блюстителей нравственности. И потому – как, например, и его немецкие современники братья Гримм – писал сказки. И даже изобрел на этот счет универсальный рецепт. «Сказка ложь, да в ней немек! Добрым молодцам урок». («Сказка о золотом петушке», 1834). Не знаю, сам придумал, или няня надоумила, но слова эти словно бы и взяты из русских народных сказок, в которых всяческих намеков хоть отбавляй. Впрочем, как и в европейских, многие из которых пересказали братья Гримм.

Ну, читатель уже догадался, что немецких сказочников автор тут приплел неспроста: ружье, названное ружьем, должно выстрелить. Уж не знаю, кого или что имели в виду Якоб и Вильгельм, когда сочиняли «Бременских музыкантов». Кто-то скажет – будущих деятелей времен брежневского Застоя, а мне кажется – это, опять же, о нынешней пенсионной реформе. Не хуже сказки про Буратино. Идеальный срез с нашей сегодняшней социальной пирамиды: хозяева, отправившие постаревших и неспособных приносить пользу зверей на «заслуженный отдых», сами звери – осёл, собака, кот и петух, мечтающие перейти в разряд работающих пенсионеров (не знающие, по неграмотности, что пенсию работающим инвалидам господин Силуанов не индексирует), и разбойники – в нашем случае представляющие криминально-олигархическую структуру. В сказке, если помните, осёл и компания устроили разбойникам такой концерт, что те в панике изо всех сил пустились бежать за границу... леса. И больше уже в Лесу никогда не появлялись.

Я, в отличие от Пушкина и братьев Гримм, ни на что не намекаю, куда мне до них. Мне только кажется, что в лесу нашем становится как-то беспокойно.

Не знаю, чем закончится современная сказка, это уже будет другая история, а я в своей книге о прошлом веке (и немножко о нынешнем) на днях поставлю последнюю точку, но уже сегодня инвалидская... извините, пенсионная реформа, затеянная теми же реформаторами, которые разорили нас в 90-е годы, заходит в тупик. Растет напряжение всенародное, уже и Президент выступил с обращением по поводу «смягчения» реформы, не остаются в стороне публицисты и аналитики, даже вполне лояльные. Не те, что ищут черные пятна на солнце, а те, что пытаются объективно разобраться в происходящем.

Уральский писатель Сергей Шангин в отчаянной статье «Путин определился» (Интернет-канал «Проза жизни», 1.9.2018) коротко, но емко выплеснул то отчаяние, с которым живет сегодня большинство россиян:

«...Мы видели, что правительство работает из рук вон плохо, Центральный банк ведет политику против рубля, олигархи высасывают все соки из

недр, наполняя свои карманы и получая послабления по уплате налогов, чиновники всех уровней в открытую, никого не боясь, грабят бюджет и народ, судьи встают на сторону злодеев, получая за это хорошие подарки, депутаты решают проблемы тех, кто им платит за протаскивание законов и принятие решений в пользу денежных мешков. Те, кто призван защищать народ и думать о его процветании, безнаказанно и нагло грабили его, загоняя людей в нищету и отчаяние...

Да, Президент России, Владимир Владимирович Путин сделал заявление, которое было неприятно слышать не только мне. Его слова породили лично в моей душе бурю протеста, возмущения, непонимания. Именно непонимание заставило меня написать эти строки и выложить их для обсуждения. Я не хочу, чтобы меня принимали за быдло и решали за меня, как мне жить дальше. Если бюджет страны неожиданно стал настолько дефицитен, что решено было взяться за пенсионеров, то страна должна знать своих героев, создавших такое положение. Не должен Президент их покрывать, даже считая необходимым поддерживать равновесие у вершин власти. Народ – это тоже составляющая власти, которую нельзя сбрасывать с весов при принятии столь важных решений!»

Есть у меня такая догадка, что затеяна была пенсионная реформа вовсе не из-за бюджетного дефицита. Люди, которые умеют считать, говорят, что деньги в бюджете есть, и есть способы увеличить накопления, которых якобы не хватает Пенсионному фонду (достаточно хотя бы прекратить вывод из страны триллионных сумм, сократить резервный фонд и создать систему честного распределения прибылей сверхдоходных корпораций). И сдаётся мне, что стулья кое под кем стали пошатываться (см. строкой выше в скобках), вот и призвали вновь реформаторов: давайте, ребята, выдумывайте, как нам свои денежки сохранить и все, что еще плохо лежит, заприхватизировать, а то ведь делиться заставят, да с кем!? С плебсом, быдлом, бомжами и лицами с ограниченными возможностями: инвалидами и пенсионерами!

В итоге – на дворе сегодня полноценный Застой и кризис социально-экономического жанра. Миллиметровый прирост ВВП и постоянно растущая, удушающая этот рост, инфляция: реальная, а не та, которую объявляют по телевизору. И как тут не вспомнить «настоящий» Застой, брежневский, 60–80-х годов, тех, кстати, лет, когда формировалось наше поколение, рожденное в первые послевоенные годы. Сам термин придуман, кажется, уже в перестроечные времена, новыми (ныне старыми) реформаторами, чтобы, видимо, оттенить тем самым собственные достижения, которые привели в итоге к развалу страны. Не буду брать другие сферы, прежде всего идеологическую, со всеми этими Суловыми, Гришиными, Романовыми, которые делали все, чтобы строго и беспощадно выдерживать линию партии и пресекать любые попытки свободомыслия; инстинкт самосохранения, который был у них хорошо развит, тоже со счетов сбрасывать не надо. Тут и ежу, как говорится, понятно, и жирафу, хотя он и «был не прав». «Кровь на снегу и

пятна красные флажков» – это все о них. Но когда, параллельно, в рамках политики двойных стандартов, провозглашался лозунг «Все во имя человека, все для блага человека» – так, кажется, это звучало, то тут партия совершенно не лукавила. Потому что эти «застойные» времена на деле, реально, были в Российской истории Золотым веком социальной защиты населения.

Мой добрый приятель еще по Певеку, а затем и по Питеру, геолог Иосиф Виссарионович Тибилев, закончивший Ленинградский университет в 1964-м, в год Брежневского переворота, а потом вместе со своей женой и коллегой Диной 40 лет проработавший геологом на Чукотке, в 2007 году выпустил толстенную книгу мемуаров, рассказов и стихов, которую озаглавил так: «Благословенные времена презренного застоя» (СПб., Издательство писателей «Дума»). Саркастично и мудро. Об этой книге я уже упоминал в семнадцатой главе, где речь шла о Бакинской армии ПВО. Иосиф был типичным представителем своего времени, как и все мы: все видел, все понимал, знал, где и что сказать, а где промолчать. Потому что не всегда полезно лезть на рожон – можно навредить не только себе (вспомните того же Александра Галича: чем кончил, кому и что даказал?), но и ближнему, которого ты пытаешься защитить, а также и делу, которому ты служишь. Зато на добрые дела Иосиф откликнулся первым. Когда, например, мы с Сашей Нестеренко начали собирать материалы для книги «Волчий камень» – об урановых лагерях Чукотки и Колымы, Тибилев тут же включился в эту работу и написал потрясающе интересную заключительную главу. Мы знали, к кому обращались: и как к специалисту, и как к человеку, и как к знатоку презренно-благословенного застоя. К реалиям которого в очередной раз возвращаюсь.

Герой картины «Бриллиантовая рука» (1968 год) Семен Семенович Горбунков («Сеня, береги руку!»), путешествующий на океанском лайнере по границам, – вовсе не персонаж из советской народной сказки, как может показаться молодым людям, рожденным в XXI веке. Дорогая путевка обошлась ему максимум в 30 процентов ее стоимости, потому что это была профсоюзная путевка, и остальные 70 процентов оплачивал профком предприятия, на котором он работал. Другой киногерой, Василий Кузякин из фильма «Любовь и голуби» (1984), к морю едет и вовсе бесплатно, получив «заслуженную» путевку после производственной травмы.

Другое дело, что на заграничные путевки были определенные ограничения (например, в западную страну можно было поехать туристом только в том случае, если ты уже побывал в стране социалистического лагеря и вернулся оттуда без замечаний от сопровождающего группу человека из органов), и что перед поездкой надо было пройти суровую накачку в райкоме партии. Но это по той, идеологической линии, прописанной в «Моральном кодексе строителя коммунизма». А мы сейчас о социальной. Тут все было так туго переплетено и перепутано... ну, как в жизни.

Идем дальше. Бесплатное образование, которое теперь стеснительно называют бюджетным, было 100-процентным. Бесплатной была медицина. Хотя

и с отдельными платными клиниками, вроде Максимилиановской в Ленинграде, но цены там были вполне разумные, а работали в ней действительно лучшие врачи. Чего не скажешь о большинстве нынешних частных клиник, где шарлатаны не столько лечат, сколько, говоря блатным, близким этим эскулапам языком, разводят больных и несчастных людей на деньги. (Бывало с вами такое: приходишь в платную клинику к «специалисту» по 3000 рублей за один прием, а в кабинете сидит врач-хулиганчик из твоей поликлиники?) А что делать этим несчастным, если в бюджетных поликлиниках подчас не столько лечат, сколько имитируют процесс. В смутные послесоветские времена в медицину пришло целое поколение случайных людей, которым кто-то внушил, что лечение больных начинается не с сострадания, а с кошелька пациента. Пока их сокурсники принимали Клятву врача (так вяло называется современный вариант Клятвы Гиппократата: клятва-то осталась, а образец для подражания исчез, флаг спущен), они, видимо, слушали лекции в торговом институте. И сегодня не редкость – встреча с врачом-писателем, который видит только карточку, в которую необходимо в качестве отчета вписать несколько нелепых закорючек, а что делать с больным и его недугом – он понятия не имеет. К тому же, у него отпущенный сверху норматив на каждого страждущего: 10 или 15 минут. Минздрав тоже пишет. И искусство врачевания, которое, по Гиппократу, основано на взаимном доверии доктора и больного, превращается в чаплинский конвейер. С нулевым результатом. Как в известном анекдоте. «Потерпите, больной, все пройдет. Время лечит». – «Доктор, а в вашей поликлинике есть такой специалист?»

Если перевести современные методы лечения и отношения эскулапа к пациенту в образы, то рисуется уже не замшелый Гиппократ с его пресловутыми нотациями, а молодой краснощекий «доктор» из другого анекдота, который безуспешно пытается измерить давление пришедшему на прием пациенту. «Доктор, – говорит ему больной, – возьмите лучше мою правую руку, левая – это протез». Думать не о кашле, а о его причине, соболезновать болящему, разговаривать с ним – это теперь не в моде. А чтобы врачу рядовому и вовсе не думать, изобрели в министерстве как бы здравоохранения новую хитрость: лечение по схеме. Увозят, допустим, тебя на скорой с аритмией (смотри замечательный одноименный фильм) в больницу, кладут в отделение кардиологии, делают пару-тройку капельниц и назначают лечение. Причем, всем больным в отделении – одинаковое, по схеме: варфарин, и так далее. О том, что схема одна, а пациенты все разные, думать не надо. В том смысле, что один, допустим, отягощен сахарным диабетом, другой язвой желудка, третий остеохондрозом... И если при одном наборе болезней этот условный варфарин поможет, то для другого может стать ядом. Что, в конечном-то итоге, не так уж и плохо: ведь большинство больных с таким диагнозом – пенсионеры, враги правительства.

Но схема – это еще не последний писк медицинской моды. Оказывается, и общаться с пациентом глаза в глаза вовсе не обязательно: врачу достаточно

увидеть физиономию страждущего помощи на экране компьютера. Посмотрел, спросил, как дела, поставил диагноз и выписал рецепт. Если пойти дальше, то нищих стариков, не знающих, что такое скайп, будут лечить по телефону. А то и вовсе лечить перестанут: оно ведь все одно – что по телефону, что вообще никак. Странная тенденция: медленно, но верно, медицина разворачивается к пациенту задом. А там, глядишь, министерство здравоохранения и вовсе отменят за ненужностью...

Утрирую, конечно, но тенденция настораживает, и нечастые встречи с настоящими врачами вызывают не столько удовлетворение, сколько удивление и даже восторг. Самыми стойкими в нашем медицинском пространстве, сужу по своему опыту, оказались хирурги: они продолжают творить чудеса, используя достижения цивилизации не во вред, а во благо (привет и благодарность бескорыстным благодетелям и чудесникам докторам С.Ф. Багненко, А.Б. Александрову, И.В. Сороке, М.Ю. Кабанову, поддержавшим меня в очень тяжелые для нашей семьи дни). Но и в их сообществе не без уродов. «Забесплатно» в некоторых больницах могут так прооперировать, что вскорости привезут тебя обратно, и тогда уже заплатишь, как миленький. А то и вовсе: возьмут деньги, разрежут, зашьют и скажут, что лечить уже нечего...

Медицина медленно, но верно... Нет, тут надо сказать: верно и в темпе переходит на платную систему (как в кассу, так и в карман). За деньги могут ложить даже ту процедуру, которая тебе не только не нужна, но и откровенно для тебя опасна. Как тут не вспомнить любимую Любину присказку: «Больному стало легче: он перестал дышать», а еще случай из врачебной практики ее отца, доктора Выгодского. В далекий от Москвы госпиталь, где он начинал свою практику рядовым врачом, поступил больной солдат в предсмертном состоянии. Наум Самойлович назначил лечение, но решил посоветоваться с заведующим отделением. Тот с назначением согласился, однако заявил: «Так это же НЗ, у нас всего один комплект этих лекарств, мы можем применить его только в экстренном случае». «А что, висящая на волоске жизнь солдата – не экстренный случай?» – удивился лечащий врач. «Знаете что, Наум Самойлович, давайте так: вы мне ничего не говорили, я ничего не знаю. Действуйте на свое усмотрение». Через неделю вставшего на ноги солдата выписали из госпиталя.

Не могу не упомянуть и ноу хау последних лет, изобретение, уж не знаю кого, совмина, минздрава, «сердобольных» и «толерантных» журналистов, а может быть – и ловких «предпринимателей». Тяжело больных детей, которым необходимо дорогостоящее лечение и которых **обязано** лечить государство, теперь «лечат» всем миром с использованием центральных телеканалов. Верх бесстыдства и цинизма: показывать жалостливые сюжеты с несчастными детьми и просить народ пустить слезу и перевести свою лепту на их лечение, да еще называть все это благотворительностью. Может быть, откликается кто-то из денежных мешков, не каждый, кто богат, – черств душой. Но ведь первым эту слезу пускает кто? Пожилой человек, пенсионер. На него и рассчитано. Государство наше и тут, вместе с «благотворительными фондами», кото-

рые время от времени куда-то исчезают, норовит оторвать копейку у самого бедного! Не буду проводить прямых аналогий, но что-то это мне напоминает.

«Взглянув же, Он увидел богатых, клавших дары свои в сокровищницу; увидел также и бедную вдову, положившую туда две лепты, и сказал: истинно говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила; ибо все те от избытка своего положили в дар Богу, а она от скудости своей положила все пропитание свое, какое имела» – Лк 21,1–4.

Знаю, за эти слова о так называемой благотворительности в меня полетят камни. Ну, не я первый, не я последний. Открываю на днях журнал «Панорама ТВ Петербург» (№ 20, 2019), который обычно начинаю изучать с последней страницы, с рубрики «Женский разговор», которую ведет писательница Татьяна Москвина. Читаю, потому что разговор этот, на самом деле, далеко не женский и далекий от тряпок и косметики. Скорее – философский, о нашей жизни. Однако ж, кто станет читать рассуждения, подаваемые под рубрикой «Философский разговор»? Без женского лукавства дело тут не обошлось. Но одно дело изящное женское лукавство, а другое – лукавство, как таковое. Вот о нем-то и пишет Москвина:

«Признаюсь, я человек недоверчивый. Скажем, могу поверить в помощь человека человеку, если она явилась из рук в руки, тихо и без пафоса. Но если вижу, как под красивой пышной вывеской “благотворительность” разворачивается театральное действие с медийными лицами, произносятся речи под телекамеры, фигурируют номера счетов и разнообразные фонды с эффектными названиями, – что-то мешает мне ликовать. Я знаю, что должна делать понимающее лицо и смиренно жертвовать. Но какие-то сомнения терзают душу. А вот эти люди, благотворители и благодетели, они в самом деле сочувствуют обездоленным? Искренне? Или это такой способ почувствовать себя добрым и хорошим? Конечно, в этом ничего плохого нет – чувствовать себя добрым и хорошим. Но получается, что это чувство можно купить, а ведь это уже не очень хорошо?..»

Но вернусь к прошлому, для моего поколения еще совсем недавнему, – к презренному и благословенному советскому Застою, когда слово «благотворительность» считалось в нашем обществе не совсем приличным. Я бы сказал – буржуазным. Человек в советском обществе в благотворительности не нуждался. Она ему полагалась уже потому, что он родился в СССР.

Каждому трудящемуся в те годы полагался обязательный 4-недельный отпуск с соответствующим пособием. Впрочем, как и сейчас. Разница в том, что отпускных в те времена вполне хватало на то, чтобы, включая дорогу, отдохнуть на Черном море или в хорошем санатории. Смотри фильм «Три плюс два» (1963 год), или, например, картину «Из жизни отдыхающих» (1980). Для тех, у кого не было дачи (а дачный участок от предприятия мог получить практически каждый желающий), были открыты и доступны все пути: те же путешествия к морю, хоть по путевке, хоть дикарем, круизы на теплоходах по рекам, поездки к родственникам, живущим в других концах страны. Все это я

проходил на собственном опыте, что и засвидетельствовал в предыдущих главах. Я имею в виду все перечисленное: и профпутевки, и бесплатные образование и медицину, и отпуска, и еще многое другое – бесплатные кружки в Домах культуры и Домах пионеров, бесплатные спортивные секции при спортивных обществах, широчайшую сеть библиотек. И больше того: возможность, чуть поднапрягшись, купить кооперативную квартиру, которая обходилась, примерно, в 40 средних зарплат по 150 рублей. Причем, половина стоимости квартиры выплачивалась при вступлении в кооператив, а вторая половина – частями, помесечно, в течение 15 лет. В месяц получалось рублей 15. Сумма вполне подъемная, если еще учесть, что коммунальные платежи (вода, отопление, газ, электричество) были копеечными.

И наконец, о советских пенсиях и еще раз о ценах: фиксированных! У папы моего пенсия была, как я уже, по-моему, писал, 120 рублей, у мамы – 110. И это не те 40 процентов от зарплаты, которые ныне нам обещают в необозримом будущем экономисты-либералисты и болтуны из правительства, а полноценный по тем временам заработок. Поэтому родителям вполне хватало и на безбедное существование, и на отпуск, еще, бывало, и нам помогали.

memoria

«Эпоха застоя» – период стабилизации международной политики. Это время разрядки международной напряженности, теории сосуществования государств с разным политическим строем и тенденции к разоружению. Причем именно в «годы застоя» СССР окончательно превратился в сверхдержаву, которая оказывала воздействие на весь мир. Российская империя была одной из пяти «великих держав» начала XX века. СССР Брежнева – одной из двух «сверхдержав», СССР и США. Это эпоха больших и системных изменений в экономике, политике, общественных отношениях, образе жизни. Эти изменения шли во всем мире, и в СССР – тоже. В СССР – это эпоха строительства целых городов и промышленных районов, время переселения в города десятков миллионов человек. Это эпоха Большой науки и ожесточенных споров о жизни и о будущем страны. Напряженная эпоха множества событий и великого числа самых различных перемен. Эпоха Брежнева – время Великого Созидания. Вот в чем прав электронный справочник: в СССР «годов застоя» не было «каких-либо серьезных потрясений в политической жизни», была социальная стабильность, установился относительно высокий уровень жизни. «Перестройка» грянула совершенно неожиданно как для населения СССР, так и для западного мира. Самые заслуженные «советологи» и «кремленологи» никак не ждали, что страна вдруг откажется от стабильности и процветания. А она отказалась! И сама эпоха высшего взлета в России запомнилась как «годы застоя» – смешное такое, нелепое время, о котором ходит масса анекдотов. Почему? Это не менее важный вопрос, чем вопрос о сущности Эпохи Великого Созидания.

*Из книги Андрея Буровского
«Да здравствует "Застой"!»,*

Издательский дом «Яуза», 2010

memoria

Видимо, это в природе человека: едва избавившись от чьей-то зависимости и похоронив ее, как ему кажется, навсегда, тут же начинать поливать грязью собственное прошлое и топтать портреты любимых еще вчера вождей. При этом мы обвиняем в двойных стандартах, по которым живем и сегодня, ту же, допустим, КПСС, наивно думая: вот похороним память о Ленине и Брежнев, выйдем на улицы с портретами Николая II, генерала Краснова и адмирала Колчака, и заживем, как у... Чуть не поставил Святое Имя в один ряд со всеми этими господами-товарищами. А ведь еще чуть-чуть, и адмирала Колчака святым бы сделали, трогательный фильм про него состряпали. При том, что именно в качестве адмирала он ничем совершенно не прославился и флотоводцем никогда не был, а в истории остался – при всех прочих его неоспоримых заслугах перед Отечеством, связанных с освоением Арктики, – «Верховным правителем России» по кличке «вешатель». Краснова, повешенного в Москве в 1947 году не столько за подвиги в Гражданскую войну, сколько за сотрудничество с Гитлером, тоже пытались реабилитировать, но оправдательных аргументов для духовного помилования этого человека (заявившего в первый день Великой Отечественной войны: «Я прошу передать всем казакам, что эта война не против России, но против коммунистов, жидов и их приспешников, торгующих Русской кровью. Да поможет Господь немецкому оружию и Гитлеру!») не нашлось, не помогло и его предсмертное раскаяние.

Все эти метания: при большевиках белые были плохими, а при либералах стали хорошими, а красные, наоборот, плохими, и так далее – с точки зрения исторической объективности полный вздор. Лютовали, истребляли народ и те, и другие, и не нам их сегодня судить. Можем лишь называть всё и всех своими именами. В полной мере это относится и к эпохе генсека Брежнева. Мне, например, не совсем понятны слова писателя Владимира Сорокина из его интервью журналу «Огонёк» (номер от 13 августа 2018 года): «Большевизм – это было, собственно, не преступление против человечности, а против Человека вообще, как феномена. Они хотели отменить человека вообще, как гомо сапиенс. И сегодня видно, насколько это была последовательная и дьявольская работа... И у людей сегодня на глазах словно бы мифологическая пленка при взгляде назад. И у меня чисто утопический и, видимо, риторический вопрос, наступит ли такой момент, когда эта пленка спадет и люди, наконец, увидят, что это было. Может, и не увидят никогда, а может, увидят. Дело в том, что в конце 1990-х все-таки не разглядели это прошлое до конца».

Что значит «отменить человека вообще»? Если в прямом смысле – истребить поголовно, а в переносном – поголовно зомбировать. Так, что ли? Какая там мифологическая пленка! Отменить человека может только тот, кто его создал: Бог, или Природа – по понятиям тех, кто в Бога не верит. А уж никак – многогрешные большевики. Другое дело – заставить человека по-большевистски мыслить, обратить его в свою, опять же, религию – в веру о построении пусть не коммунизма, но хотя бы социализма с человеческим лицом, ловко и убедительно используя для этого чисто гуманистические образы. Но тут стрелка

весов колебалась не слишком сильно, партия и правительство умело удерживали равновесие: на одну чашу давил, образно говоря, всепросвечивавший рентген партийно-гэбэшной цензуры, а на другую – реальный уровень жизни, сбалансированность заработной платы и фиксированных цен в магазинах. Как стояла в Ленинграде буханка круглого ржаного хлеба 16 копеек в 1970 году, так и стояла она в 1980-м. Поэтому и нищих в таком количестве, как теперь, в застойные годы не было, как не было и вызывающе богатых. Скромность, как известно, украшала советского человека, а уж тем более того, кто сумел заработать или наворовать больше других. Да и высовываться было опасно. На нашем среднем, бытовом, как говорится, уровне, если перефразировать Бориса Пастернака («Быть знаменитым некрасиво»), вполне буднично звучала бы в те годы фраза «Быть богатым некрасиво». Что же до философической игры слов, в том числе и про отслоение мифологической пленки, то она далеко не всегда имеет прямое отношение к реальности. Не говорю уже о том, что коммунистическая идеология появилась не на пустом месте. «Кто был ничем» – тот рано или поздно захотел стать всем. Хамское, циничное и варварское отношение царской власти к населению страны, которое народом она не считала (такая общность, как народ, требует к себе, как минимум, уважения), обернулось ее собственным крахом.

Тем же плохо скрываемым цинизмом были пропитаны дела и речи выскочивших в перестроечные годы невесть откуда, как «двое из ларца, одинаковых с лица», патриотов-монархистов, тех самых, которые пытались поставить памятник генералу Корнилову, которые объявили главными злодеями и врагами русского народа комиссаров, чекистов и евреев, и картинно давили из себя слезу под портретом царя-батюшки. Того самого батюшки, который к 1917 году, проиграв очередную войну и уложив на полях сражений миллионы российских солдат (о цифрах историки спорят до сих пор, в том числе и о количестве погибших мирных жителей), был уже поперек глотки не только большевикам, эраерам, кадетам и всем прочим рвавшимся к власти политическим образованиям, не только народу, но и своим приспешникам-монархистам, которые и сдали его, в конце концов, Советам, отправив на свалку истории.

Не за царя, а за свой шкурный интерес билась Белая гвардия в Гражданскую войну. (Как тут не вспомнить генерала Шкуро, по совместительству, в годы Второй мировой, группенфюрера СС, вместе с Красновым повешенного в Москве в 1947 году, настоящая фамилия которого была – Шкүра.) И лозунг «За Веру, Царя и Отечество!» кажется сегодня в устах белогвардейцев более чем сомнительным. Конечно, каждому политическому движению нужна идеологическая агитка, чтобы под лозунгом патриотизма и бескорыстных чаяний за абстрактный народ в очередной раз этот народ обдурить и не упустить собственную выгоду. «Всё или ничего!» или еще проще: «Пан или пропал!» – вот истинная подоплека белого движения. Оно отстаивало права меньшинства быть богатыми и угнетать бедных, а для этого лучше всего подходили правильная вера и царь. Бедным же царь, а затем и вера, далеко уже не истин-

ная, давно приспособленная для обслуживания богатых, были совершенно чужды. И право у них, за которое они боролись, было одно: право не быть нищими. Не богатыми, но и не бедными. Способ достижения этой цели известен: отобрать (экспроприировать! – модное в те времена словечко) всё у богатых («ограбят грабителей своих, и оберут обирателей своих» – Иез 39, 9–10) и разделить поровну. Они еще не знали, что так не бывает. Но знали это вовремя подсуетившиеся большевики, сразу объявившие, что землю они раздают крестьянам, а заводы – рабочим. Этот подход угнетенному большинству понравился больше, чем сомнительные «патриотические» лозунги вчерашних угнетателей.

Белые проиграли, но и угнетенное большинство не выиграло. Когда победили бывших угнетателей, выяснилось, что богатств после революции и двух кровопролитных войн осталось с гулькин нос, и что теперь надо засучить рукава и начинать пахать пуще прежнего, чтобы нажить новое богатство, которое уже в новом и светлом мире дети и внуки (это уже про нас) разделят на всех и заживут, наконец-то, счастливой жизнью. И навалились, всем миром, с новой верой и новыми молитвами. Последние после многолетней шлифовки и громогласной обкатки на собраниях и демонстрациях были подытожены на XXII съезде КПСС в 1961 году в Моральном кодексе строителя коммунизма, основные положения которого создатели новой, Третьей программы партии, ничтоже сумняшеся, срисовали с библейских Десяти заповедей (к тому времени уже основательно подзабытых).

А что делать было народу, всегда тяготевшему к соборности и, наконец, обретшему веру в свет в конце туннеля? Поверили и впряглись! На первом этапе, конечно, встал вопрос, решенный, казалось бы, еще во времена Моисея: можно ли молиться одновременно двум богам? Нельзя, повторил Иисус Христос в Нагорной проповеди («Никто не может служить двум господам» – Мф – 6, 24). А вслед за Спасителем – и большевики-безбожники. Им, правда, не нужно было цитировать Библию и переводить с церковнославянского, они говорили языком, понятным угнетенному большинству. Выбирайте: Светлое будущее, построенное своими руками, либо Второе пришествие, с верой в которое вы навеки останетесь нищими и угнетенными. Выбрано было Светлое будущее, Вера стала лишней, была поправа и унижена.

Но, опять же, все в мире развивается по спирали. Моисей вел евреев из рабства египетского 40 лет, большевики продержались без малого 80. Светлое будущее не наступило, хотя кое-чего и добились (в индустриализации страны, в той же социальной сфере, в образовании, культуре и пр.). А дальше? Ни новых идей, ни нового маяка среди политиков разговорного жанра, пришедших к власти после падения коммунистов, не оказалось. Метнулись было обратно, к Вере, возродили храмы... Не помогает. Цинизм и стяжательство – неужели это тот новый светоч, который вознесли над нашими головами? По сути – да. На словах – у нас переходный период (от социализма к капитализму?), мы еще только ищем ту идею, которая сплотит народ и сделает всех...

равными и богатыми? Да нет же: за ту, за которую боролась Белая гвардия: с богатым меньшинством и бедным большинством, грабящими страну олигархами вкупе с министрами-некапиталистами во главе с их идеологами типа Силуанова, имеющими зарплату, исчисляемую в миллиардах, с одной стороны, и стариками-пенсионерами, олицетворяющими сегодня униженное и оскорбленное большинство, с пенсией в 12 000 рублей, с другой.

В постперестроечные годы модно было говорить о потерянной нами **национальной идее**. Мол, все плохо потому, что мы ее потеряли и никак не найдем обратно. Так и не нашли. И тема эта на самых высоких трибунах и в президиумах заглохла как-то сама собой. Потому что никому она не нужна, эта идея, в антисоциальном государстве, погрязшем во лжи и коррупции. Все об этом знают, не я придумал. И Володин с Толстым – тоже. Не те, конечно, замечательные писатели, которые носили эти фамилии, а те, что руководят, страшно сказать, Государственной Думой и позволяют себе лгать на самом первом (и самом, правда, пошлом ныне) канале телевидения.

Оздоровление и сплочение общества начинается с **правды**, с того момента истории, когда сильные мира сего перестанут врать, а мы, народ, который они называют населением, перестанем делать вид, что в эту **ложь** верим. Сколько витков исторической спирали нам еще нужно? Все это было еще в Ветхом Завете, в истории с золотым тельцом, о которой я, по-моему, уже вспоминал. Мы потеряли своего Моисея, который пошел на гору за скрижалями. Евреи ждали-ждали, и решили создать себе нового кумира – истукана из золота. Вот и мы ждем, пока он спустится с горы и вернет нам Десять заповедей, по которым следует жить. Да уже, по-моему, и не ждем. Нам некогда. Весь потенциал уходит на зарабатывание денег – любым путем. Отсюда и воровство, и коррупция, ставшие если не национальной идеей, то – еще страшнее – образом жизни.

Еще немного, и слово **культура** станет у нас употребляться лишь в одном словосочетании: «министерство культуры». Если не отменят и его, к чему призвал, едва став видным государственным деятелем (с февраля 2019 года – членом Общественного совета при комитете Государственной Думы по культуре), певец-матерщинник Сергей Шнуров. Кругом лицемерие и ложь. А там, где ложь, культуры нет. Там, где правит образованщина в рваных носках (в туфлях-то не видно), там культура может финансироваться в лучшем случае «по остаточному принципу» – и в прямом, и в переносном смысле. И если мы хотим выжить, как народ, как страна и как государство, мы должны и обязаны находить пути и способы для повышения уровня нашей культуры, культурности и образованности, подмятыми хамством и жлобством, должны учиться честно жить, уважать ближнего и видеть красоту мира (в том числе и разноцветные мыльные пузыри). А еще попытаться, наконец, встряхнуться и начать борьбу со своей наследственной рабской психологией (передающейся из поколения в поколение от крепостных предков) и с «завидной» привычкой жить в состоянии униженности и наслаждаться зависимостью от сильных

мира сего. Для начала – реабилитировать униженных и оскорбленных – пенсионеров, инвалидов и всех тех, кто взят в финансовую **блокаду** чиновничьим войском, а следом – и весь народ, превращенный кучкой «воров в законе» в сборище бомжей. Да-да, если сравнить их дворцы и их, с позволения сказать, доходы с нашими зарплатами и пенсиями, соотношение принцев и нищих окажется где-то 1 к 100, при самом щадящем подсчете. Я вполне отдаю себе отчет в том, что говорю (в противовес «законам», которые ныне выпестовываются «там, наверху», согласно которым неуважение к лживой власти станет уголовно наказуемым фактом): и как пенсионер, и как представитель послевоенного поколения, отцы и деды которого ощутили на себе все ужасы войны и фашистской блокады Ленинграда.

Справедливости ради надо сказать, что иногда *там* вдруг что-то вспоминают и начинают нас сплачивать сиюминутными объединительными тезисами: за присоединение Крыма, против западных санкций, за лучший в мире чемпионат мира по футболу, за переименование аэропорта Пулково в аэропорт Пулково имени князя Александра Невского, как известно, летавшего только Пулковскими авиалиниями... И вокруг ВВП, сумасшедший рост которого нам регулярно обещают в недалеком... Светлом будущем. Все эти тезисы, лозунги и методы пропаганды, взятые Советской властью на вооружение еще в 1917-м, мы уже проходили, но и по сей день они остаются «новой» системой духовного (да и физического) порабощения страны в целом и каждого жителя страны в частности. Счастливая жизнь возможна только в коллективе и под общим флагом. Иначе ведь человек может вспомнить о своем природном праве на правду, на собственную личную жизнь и личное счастье. Его же вместо этого всё куда-то зовут, то в колонны, то на выборы, потому что морочить голову лозунгами куда как легче, чем всерьез заняться экономикой и обеспечить каждому соотечественнику достойное существование на своей земле. И вся эта болтовня, усиливаемая рупорами Интернета и телевидения, как каток, давит на своем пути не только личные чаяния отдельного человека, но и его осознанную и несознанную тягу к обретению собственного достоинства и к культуре.

Миром в целом и каждой страной, в частности, правят сегодня политика и научно-технический прогресс. И то, и другое никак не рифмуется с нравственностью и неизбежно приведут человечество к гибели, если в этом коротком списке на первое место не будет поставлена культура.

И до тех пор, пока баланс не окажется в пользу **культуры**, в самом широком смысле этого слова, в том числе культуры управления и культуры экономики, мы с вами будем оставаться под игмом духовного и физического крепостничества, в вечно-переходном периоде, а государство наше – в перманентно подвешенном состоянии. Поддерживая баланс и оберегая свой суверенитет ядерной мощью, оставшейся в наследство от все того же проклятого СССР.

Культурное государство вырастает из личной культуры каждого из нас. Об этом и надо думать: как побудить каждого гражданина к самосовершенствованию

ванию? Начать хотя бы с простейшего, с тех же уличных урн. Поставить их у каждого здания в городе, поселке и деревне и повесить у каждой инструкции: «Для мусора». Многие ведь даже не догадываются, для чего нужна эта штука. Что же до дум и правительств, то у них на этом культурном пути задача, по сути дела, всего одна: изменить раз и навсегда сам **принцип управления страной: чтобы не народ обслуживал власть, а власть – служила народу.** Независимо от того, есть у нас министерство культуры, или его нет...

И все-таки, вернусь, опять же, по спирали, к исходному вопросу: если не «В коммуне остановка», то – «За что боролись?». За что боролись наши родители, дедушки и бабушки в прошлом, XX веке, за что боремся сегодня, в XXI-м, мы, за что – наши дети и внуки? Идеологи-рыночники новейших времен ловко и нагло подталкивают страну к полному восстановлению на ее просторах рабовладельческого строя, рассказывая нам, что крепостное право (заменяя, естественно, эти два слова приличными выражениями) гораздо лучше любого светлого будущего, что идеи социализма-коммунизма оказались несостоятельными, а построение общества, в котором каждый гомо сапиенс будет чувствовать себя человеком свободным и неугнетаемым, – утопия. Не понимаю, правда, как можно говорить о том, чего не было и нет, если коммунизм строили только из слов-кубиков, составлявших речи и лозунги по большей части безмозглых политиков. И кто на практике доказал, что социализм – это не только идея. Или мы уже не готовы, как человеческая общность, развиваться дальше и принимаем за высшую ступень своего развития античеловеческие принципы так называемой «западной демократии», практически перечеркивающие всё, что дал нам Бог в Десятословии? Когда любовь к ближнему оборачивается ненавистью к нему, когда в обществе насаждается содомизм, а любовь к папе и маме заменяется на суррогат любви к условным однополым родителям под № 1 и № 2. Когда заповедь «Не убий» превращается в «Убий!», и какие-то отдельные государства присваивают себе право уничтожать другие государства только потому, что сила солому ломит...

Неужели впустую прожили мы эти 100 лет и ничему не научились ни на своих победах, ни на своих ошибках? Я посчитал, это нетрудно: мой семейный обзор охватил семь поколений: от прапрадедов до внуков. И что – всё впустую? Семь потерянных поколений?

Хочется все-таки думать, что нет, что мы уже наступили на все видимые и невидимые грабли, разбросанные по большаку, который ведет нас в будущее. И что где-то за ближайшим поворотом мы, наконец, научимся замечать эти нехитрые сельскохозяйственные орудия и начнем использовать их по прямому назначению..

Не мы, так хотя бы те, кто за нами.